

Е.Ф. Литвинова

**Жан Антуан Кондорсе
(1743-1794). Его жизнь и
научно - политическая
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е11

E11 **Е.Ф. Литвинова**
Жан Антуан Кондорсе (1743-1794). Его жизнь и научно - политическая деятельность / Е.Ф. Литвинова – М.: Книга по Требованию, 2021. – 76 с.

ISBN 978-5-458-04023-5

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-458-04023-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Е.Ф. Литвинова, 2021

Е. Ф. Литвинова
Жан Антуан Кондорсе
(1743—1794). Его жизнь и
научно – политическая
деятельность

*Биографический очерк Е. Ф.
Литвиновой*

*С портретом Кондорсе, грави-
рованным в Петербурге К. Адтом*

Введение

Имя Кондорсе известно математикам, экономистам, философам, политическим деятелям, но ни первые, ни вторые, ни третьи не составят себе полного понятия о силе ума этого замечательного человека, рассматривая какой-нибудь один род его деятельности, потому что ни в одной из названных областей знания он не сделал того, что мог бы сделать в том случае, если бы отдался исключительно одной науке. Личность этого истинного друга человечества так своеобразно отразилась на его деятельности, что понимание последней без уяснения первой сделалось невозможным. Великие современники Кондорсе – Д'Аламбер, Лагранж, Вольтер, Тюро и другие – высоко ценили его ум и талант и все без исключения преклонялись перед его нравственностью. Однако слава Кондорсе при жизни и после смерти была далеко не пропорциональна его дарованиям и заслугам; толпа его не понимала; он слишком опередил свой век, и имя его никогда не гремело при жизни; не скоро отдали ему должное и по смерти. В истории Конвента имя Кондорсе кажется бледным сравнительно с именами Робеспьера, Дантона, Марата. В истории философии ему посвящают несколько строк. Не более благосклонны к нему были вплоть до нашего времени и представители других наук. В 1894 году в марте исполнилось сто лет со дня смерти Кондорсе, и отношение к нему во Франции совершенно изменилось. Этую знаменательную перемену наш известный экономист М. Ковалевский описывает следующим образом. В столетнюю годовщину смерти Кондорсе, родоначальника теории прогресса, Франция ставит ему памятник, которого до сих пор не удостоились ни Мирабо, ни Верньо, ни вожаки монтаньяров, за исключением одного только Дантона. В чем лежит причина такого пристрастия; какую особую притягательную силу имеет в себе эта личность; что заставляет различные партии окружать ее одинаковым почетом? В Кондорсе воплощаются одновременно и дух великого века философии, дух энциклопедистов и физиократов, и политические стремления, восторжествовавшие уже в наше время. В нем ученый математик, блестящий, экономист и публицист сливаются с одним из первых провозвестников и защитников народовластия, с действительным виновником проведенной Конвентом реформы публичного образования, наконец, с творцом той новой науки, которая приближается к современной нам истории культуры и гражданственности. В то же время Кондорсе как политический деятель не забрызган кровью

сентябрьских жертв; его имя не встречается в списке ближайших виновников смерти Людовика XVI; он ближе всех деятелей своего времени к интересам и задачам нашего. Современники его, пользовавшиеся в свое время большей славой, отходят теперь на второй план. Когда-то они затмили Кондорсе своими бросающимися в глаза качествами, теперь же истина вступает в свои права. И эта посмертная участь Кондорсе в высшей степени для нас поучительна. Из биографии Кондорсе мы увидим, что он сам менее всего стремился к славе и постоянно думал о благе человечества. Несмотря на это, мы, по всей вероятности, знали бы о личности его очень немногое, если бы он не состоял в близких отношениях с Вольтером, Д'Аламбером и др. Теми биографическими данными, которыми мы теперь располагаем, мы обязаны также его близким друзьям и родным. Эти данные мы находим в биографии Кондорсе, написанной Араго, в биографии, приложенной к изданию его сочинений 1847 года, и, наконец, в позднейшем сочинении Робинэ «*Vie de Condorcet*» и в статье М. Ковалевского о Кондорсе в «Вестнике Европы» (1894 год, март и апрель). Но лучшими пособиями к уяснению личности Кондорсе служат переписка его с Тюрго и с Вольтером, написанные им биографии замечательных людей, в которых он так прекрасно высказывает свои общие взгляды на жизнь, а также его завещание или советы дочери, послание в стихах, посвященное жене, и, наконец, политическая исповедь, написанная в последний год жизни. Вот и все материалы, которыми можно располагать в настоящее время для уяснения сложной и в высшей степени интересной личности Кондорсе.

Глава I

Предки Кондорсе. – Мать и ее влияние в раннем детстве, развитие чувствительности и сдержанности. – Первоначальное образование в Реймсе. – Отрицательное влияние иезуитов. – Поступление в Наваррскую коллегию и первые успехи на математическом поприще. – Отношение Кондорсе к чистой науке. – Кондорсе и Д'Аламбер.

Жан Антуан Николá Коришот маркиз де Кондорсе принадлежал к древнему роду французской аристократии. Предки его известны между прочим тем, что едва ли не первыми во Франции приняли и стали открыто исповедовать протестантскую религию. Некоторые из них прославились своей храбростью на войне, другие занимали высокое положение в духовной иерархии и выдавались стойкостью своих убеждений. Отец Кондорсе служил капитаном в кавалерии. Дядя же, старший брат отца, был влиятельным епископом в Лизье и отличался сильным характером; он всегда выступал заклятым врагом янсенистов, против которых также много писал. Наследственный замок Кондорсе, находившийся в Дофинэ, перешел по наследству к старшей линии. Коришот Кондорсе родился 17 сентября 1743 года в Пикардии, в маленьком городке Рибемоне. Отец его умер в то время, когда сыну шел пятый год. Как видно, капитан оставил после себя ограниченное состояние: нам известно, что издержки по воспитанию Коришота принял на себя старший брат отца, епископ в Лизье. Мать Кондорсе, урожденная де Кудре, была женщина нежная, впечатлительная, сострадательная, пламенно преданная религии и в то же время преисполненная сословных предрассудков. Лишившись мужа и оставшись с ограниченными средствами, она чувствовала себя одинокой, беззащитной в жизни и прибегала к «теплой защитнице мира холодного»; она посвятила Божьей матери и своего единственного сына. Кондорсе от природы был крепкого сложения, широкоплечий, с высокой грудью. Его высокопоставленные родственники видели в нем будущего воина – храброго защитника Франции, а мать трепетала при одной мысли, что ее сын будет проливать чужую кровь и подвергать опасности свою жизнь.

До восьми лет Кондорсе не снимал белого длинного платья из тонкого батиста, обшитого кружевом; оно должно было служить символом чистоты и непорочности дитята, посвященного Богу. Это платье вообще играло важную роль в жизни Кондорсе. Из-за него

он позднее, чем его сверстники, поступил в школу: другие мальчики стали бы смеяться над ним и дергать за юбку, называя девчонкой; платье же мешало ему принимать участие в играх и шалостях. Он хорошо знал, в какой ужас пришла бы его мать, увидев сына в испачканном и разорванном платье; а это легко могло случиться, если бы он начал представлять из себя лошадку или кучера. Боязнь огорчить любимую мать приучила от природы живого и резвого мальчика сдерживать свои желания и порывы в самом раннем возрасте. Мать замечала, по всей вероятности, что слишком стесняет сына, и совесть упрекала ее за это, но мысль увидеть его с исцарапанным лицом или с подбитым глазом была невыносима тонкой, изящной аристократке. Наблюдательный, вдумчивый мальчик также замечал эту борьбу в сердце матери и старался казаться равнодушным каждый раз, когда ограничивали его детскую свободу; так научился он владеть и выражением своего лица. Вследствие неподвижности в детстве мускулы его развивались вяло; он так и остался неловким на всю жизнь и, жалуясь впоследствии на слабость ног, приписывал происхождение ее своему длинному белому платью, сильно стеснявшему движения их в детстве. Под влиянием матери в Кондорсе развились чувствительность и сострадание не только к людям, но и к животным. Отсутствие же детских игр и развлечений развило в нем наблюдательность и привычку размышлять. Но со звереподобному ребенку, одаренному добрым и честным сердцем, приходилось часто слушать надменные разговоры родных, проникнутых сословными предрассудками, и он рано начал задумываться над вопросами справедливости и нравственности. Дядя-прелат вполне одобрял первоначальное глубоко религиозное воспитание своего племянника, но когда мальчику пошел девятый год, он заметил невестке, что пора наконец освободить будущего прелата или воина от женского платья, и через год он отвез мальчика в Реймс в учебное заведение, находившееся в то время в руках иезуитов. Умственные силы Кондорсе обнаружились очень скоро: он прекрасно учился и особенно охотно занимался гуманитарными науками, составлявшими главные предметы в школе; но, несмотря на то, что Кондорсе провел свои отроческие годы под исключительным влиянием иезуитов, его доброе сердце помешало ему проникнуться свойственным им духом религиозной нетерпимости; напротив, противоположное чувство рано пустило в душе его глубокие корни.

В пятнадцать лет он был бесспорочным и честным юношей; чувствительность его была так велика, что он не мог заниматься ни охотой, ни рыбной ловлей. Дядя-прелат очень усердно следил за

успехами своего племянника и, вероятно, скоро заметив в нем проявления пытливого, свободного ума и несклонность к духовному поприщу, стал готовить его к военному званию.

Всякое другое занятие считалось в то время унизительным для дворянинна. Но для военного неизбежно знание математики, которая находилась в пренебрежении у иезуитов. То, что Кондорсе был отдан дядею к иезуитам, и наводит на мысль, что мальчика изначально готовили к духовному поприщу.

В 1758 году Кондорсе получил уже награду за успехи в словесных науках и перешел в Париж в Наваррскую коллегию, где начал свое математическое образование. Успехи его в этой науке были поразительны. Через десять месяцев после вступления своего в коллегию Кондорсе, в присутствии Д'Аламбера, Клеро и Фонтеня, превосходно защищал очень трудный тезис из области высшего анализа, и эти светила науки тогда же признали в нем своего будущего знаменитого собрата. Такое единогласное одобрение великих математиков возбудило в молодом Кондорсе ревностное желание отдаваться математике. Однако ученая карьера не входила в планы его дяди и других родных; все они смотрели на занятия математикой как на переходный этап, необходимый для будущей военной карьеры. Вопреки всем желаниям родных, Кондорсе решил посвятить себя науке и, окончив курс в коллегии, поселился у своего бывшего учителя Жиро де Керуду в Париже, где вел тихую, скромную жизнь.

В то время, несмотря на молодость, он был уже глубоким мыслителем. Но не одна математика занимала ум и сердце семнадцатилетнего юноши; он предавался размышлению об основах нравственности и справедливости и создавал свою собственную теорию нравственности.

С юных лет Кондорсе верил в то, что род человеческий способен к беспредельному совершенствованию, и самой приятной обязанностью считал непосредственное содействие этому бесконечному прогрессу; он также был убежден, что это вообще есть первая обязанность всякого человека, разум которого развит и укреплен наукой и размышлением.

В жизни и деятельности Кондорсе играли также очень важную роль личные привязанности. Дружба с Д'Аламбером возбудила в значительной степени его рвение к математике.

Большая восприимчивость и живость Д'Аламбера сглаживали неравенство лет; Д'Аламбер был двадцатью шестью годами старше Кондорсе, но умел зажигать в друзьях страсть к математике. Известное его сочинение «О системе мира» нашло в Кондорсе горячего

поклонника и возбудило в нем желание заниматься теоретической астрономией. Под влиянием Д'Аламбера Кондорсе написал свое известное сочинение о так называемой задаче трех тел. Но не одна математика сблизила Кондорсе с Д'Аламбером. Оба они обладали разносторонним умом, и частые сношения служили для них обоих источником многих удовольствий. Д'Аламбер всеми силами старался привязать Кондорсе к науке. Из переписки Д'Аламбера с Лагранжем мы узнаем, что Кондорсе мог сделаться членом Академии наук еще в 1768 году, то есть двадцати пяти лет, но тогда против этого сильно восстали его родственники, считая звание академика несовместимым с достоинством маркиза. Через год те же родственники наконец уступили упорному желанию Кондорсе посвятить себя науке, и в 1769 году он вступил в Академию. Деятельность Кондорсе на новом поприще была настолько значительна, что нам придется говорить о ней особо. Через шесть лет после своего поступления в Академию Кондорсе стал ее секретарем; он занял это почетное место после преодоления больших препятствий.

И здесь дело не обошлось без участия Д'Аламбера; 15 апреля 1775 года он писал Лагранжу: «Против меня и Кондорсе сильно интригуют в Академии, и король всех интриг – Бюффон». Через девять лет после того, как Кондорсе сделался секретарем Академии наук, он наконец был принят в члены Французской Академии на место Сареля. И здесь, как и в Академии наук, его ревностным защитником выступил Д'Аламбер, противником явился Бюффон, а конкурентом – астроном Бальи. Гримен упоминает об этом обстоятельстве в своей переписке; он говорит: «Д'Аламбер выиграл настящее сражение, восторжествовав над Бюффоном». Известный свою пылкостью, Д'Аламбер восхликал: «Я меньше был бы рад открытию квадратуры круга, чем этой победе». И это произошло за год до смерти Д'Аламбера. На горячую дружбу Д'Аламбера Кондорсе отвечал глубокой привязанностью; он принимал неизменное участие во всех событиях жизни Д'Аламбера, как это видно из переписки его с госпожой Леспинас, подругой великого математика. И Д'Аламбер понимал и ценил сердце Кондорсе настолько, что завещал ему заботиться о тех старых слугах, которые ухаживали за ним во время его последней, долгой и тяжкой, болезни. Кондорсе не обманул надежд Д'Аламбера: он в продолжение всей своей жизни окружал попечениями его старых служителей; после же смерти Кондорсе эти заботы приняла на себя его жена, а потом дочь и муж ее, Оконорз.

Первый труд Кондорсе по математике относился к интегрально-

му исчислению; он был представлен Академии наук в мае 1765 года и заслужил самые лучшие отзывы Д'Аламбера и Лагранжа. В это время Кондорсе с большим рвением занимался именно математикой, и его мемуары один за другим печатались в сборниках трудов академий Берлинской, Петербургской, Болонской.

От чистой математики Кондорсе перешел к астрономии и занялся труднейшим вопросом об определении пути комет. Этим предметом занимались Ньютона, Фонтен, Эйлер; несмотря на последнее обстоятельство, вопрос был настолько еще не решен, что Берлинская Академия назначила в 1774 году премию за научную его обработку. Премии никто не заслужил, и присуждение ее отсрочили до 1778 года. В этом году Кондорсе получил ее пополам с Темпельгофом.

В июне этого года Лагранж писал Кондорсе: «Ваш превосходный труд заслужил бы полную премию, если бы Вы потрудились дать приложение Ваших общих теоретических соображений к какой-нибудь одной комете; это последнее условие входило в требование Берлинской Академии наук». Но для этого необходимы были сложные вычисления, которых всегда избегал Кондорсе. Он говорил, что механизм этого рода требует самого напряженного внимания и нисколько его не возбуждает. В упомянутом нами труде выступают с большою ясностью особенности научных занятий Кондорсе. Он легко преодолел все аналитические трудности и остановился перед сравнительно ничтожными; очевидно, при своих занятиях он не имел в виду решения задачи, поставленной Берлинской Академией, и потому выполнил только ту часть труда, которая представляла интерес для него самого. То же самое в большей или меньшей степени относится и ко всем другим его трудам в области точных наук. Он обращал слишком мало внимания на изложение. Его мысли иногда по глубине и силе можно сравнить с мыслями Эйлера и Лагранжа, но выражены они далеко не так просто, ясно и точно. Д'Аламбер, сам не всегда безупречный в этом отношении, удивлялся, что Кондорсе как бы совершенно забывал о своем читателе. В марте 1772 года он писал по этому поводу Лагранжу: «Я очень желаю, чтобы наш общий друг Кондорсе, обладающий таким сильным умом и талантом, изменил свою манеру писать, но должно быть она лежит в его природе». Эта небрежность в изложении научных трудов скорее обусловливалась отношением Кондорсе к точным наукам; он находил в них глубокий интерес, но считал эти занятия для себя и для своих современников делом второстепенным.

Занятия наукой он предпочел военной карьере, к которой чувствовал совершенную несклонность. Но слишком большая воспри-